

Властолюбцам истории прошлого, настоящего, будущего посвящается.

А.М.Мартынов

Философская повесть

Властелин Мира

Мистер Мульти, преуспевающий американский бизнесмен, всю сознательную жизнь посвятил приумножению благоприобретенного состояния. Ранее он никогда не обнаруживал склонности тратить свое драгоценное время на вопросы, хотя в какой-то степени не входящие в круг его непосредственной деловой заинтересованности. Однако с недавних пор, когда по прихоти закулисных предвыборных комбинаций он был избран сенатором, новоявленный государственный деятель усердно принялся знакомиться с высокими проблемами мировой политики и экономики. Попутно исподтишка им усваивались необходимые сведения по географии и истории ведущих держав, о чем до того он имел самое расплывчатое представление. Мало того, в последнее время мистера Мульти все чаще и сильнее стала охватывать беспричинная тревога за дальнейшие судьбы человечества, будущее которого ему представлялось довольно безотрадным. Причем не только предосудительным, но прямо-таки безумным, по его глубочайшему убеждению, надлежало расценивать откровенное стремление авангарда человечества оставить проторенный предками старый, надежный путь, чтобы отправиться далее по совершенно неизведанному бездорожью, якобы вдесятеро сокращавшему дорогу, ведущую к конечной лучезарной цели - гармоническому мироустройству. (Вряд ли стоит говорить, что достопочтенный сенатор не только не верил в возможность достижения такой цели, но вообще яростно отрицал желательность ее, ибо небезосновательно полагал, что лично для него такое влечение сотен миллионов людей не может сулить ничего доброго).

От утомительных размышлений над причудливо меняющимся калейдоскопом текущих мировых событий мистер Мульти предпочитал все чаще и с большей охотой предаваться

увлекательному фантазированию на тему: а что случилось бы, если бы...

И вот однажды сей заокеанский эпигон нашего несравненного отечественного самородка Кифы Мокиевича увидел примечательный сон, навеянный такого рода времяпровождением самого сновидца. Впечатление, вызванное сном, оказалось настолько сильным, что после пробуждения он тотчас поспешил застенографировать свое сновидение во всех подробностях как некое откровение свыше, хотя объявленное не в приличествующем декоруме грозы и бури, а в удручающе банальной обстановке. С течением времени он даже вознамерился литературно обработать сон, чтобы затем предать гласности. Но так как всеблагое провидение, одарив мистера Мульти ценным, хотя не столь уж редкостным, талантом успешного приумножения благ земных в то же время начисто отказало ему во всех иных дарованиях, то сам он даже не пытался справиться с этой затеей. А посему среди беспринципных безработных "рыцарей пера" ему был подыскан опытный литератор, который за скромный гонорар точно в договорный срок состряпал полностью удовлетворившее заказчика повествование о дух захватывающей судьбе счастливого баловня судьбы с ослепительной концовкой.

Однако, покончив с подневольной работой и снова перейдя на привычное положение штатного безработного от литературы, располагающего неограниченным досугом и безбрежным запасом творческой фантазии, сочинитель на сей раз не почил на лаврах. Его соблазнила лукавая мыслишка - использовать сновидение мистера Мульти в качестве основной канвы, на которой можно произвести дальнейшую углубленную разработку благодарной темы исключительно "для души", не считаясь на этот раз с вкусами и требованиями толстосума-заказчика. Причем в процессе писания неумолимая внутренняя закономерность логически развивающихся событий до такой степени увлекла за собой писателя, что новый вариант оказался лишь в отдаленной степени похожим на свой прообраз, в котором преобладала сплошная осанна в честь удачливого супермена, на чем как раз и настаивал заказчик-сновидец.

Именно этот обновленный вариант, переведенный на русский язык в несколько сокращенном виде, предлагается вниманию читателя.

В ту памятную ноябрьскую ночь 1927 года, когда Советский Союз праздновал свое десятилетие, мистер Мульти уснул под сильным впечатлением поразившей его неожиданной мысли: "А что стало бы, если бы после первой мировой войны дальнейший ход мировой истории пошел по иному пути. И прежде всего - если бы на одной шестой земного шара не произошло столь чреватое дальнейшими последствиями событие, как основательно потрясшая незыблемыми устоями старого мира Великая Октябрьская революция в России, вконец перепутавшая карты международных политиканов. А вместо этого капиталистическая система продолжала бы самодержавно господствовать, процветать и бесконтрольно хозяйничать на планете..."

В виде одной из правдоподобных возможностей можно допустить, что тогда процесс дальнейшей концентрации капитала, ранее протекавший в умеренных темпах, вследствие ускорения всего ритма общемировой жизни также приобретал все более ошеломляющий размах. И хотя численность ведущих магнатов монополистического капитала резко сократилась уже на памяти двух-трех поколений, это обстоятельство несколько не повлияло на смягчение бешеной конкуренции среди оставшихся на авансцене. Даже наоборот: чем ограниченнее становился круг соперников, с тем большим ожесточением враждовали они друг с другом. Вследствие этого в относительно небольшой срок выбыли подавляющее число конкурентов, за исключением трех самых могущественных представителей финансовой олигархии, причем взаимное соперничество и вражда между собой сразу же затмили все предыдущие. Ни один не помышлял о малейших уступках, тем более о компромиссах. Каждый самозабвенно боролся с соперниками, остервенело оспаривая преобладающее положение, вследствие чего на некоторое время на Земле установилась видимость какого-то неустойчивого трехногого равновесия, ежеминутно грозящего катастрофическим обвалом.

Яростная экономическая схватка, пагубно отражавшаяся на благополучии всего человечества, отнюдь не затихла тогда, когда двоим из соперничающей троицы удалось прийти к соглашению по основным вопросам и, установив таким образом некий общий фронт против грозного противника, в самом непродолжительном времени положить его на лопатки, полностью лишив всякой самостоятельности.

Однако, неумолимые законы борьбы за преобладание продолжали действовать с прежней силой. И чуть ли не на следующий день после совместно одержанной победы вчерашние друзья-союзники осознали один в другом своего злейшего врага, преграждавшего путь к безраздельной власти над миром. Без малейшей передышки оба лагеря стали усиленно готовиться к решающему единоборству, от исхода которого зависели - на сей раз как никогда в истории - дальнейшие судьбы человечества.

Впрочем, было бы заблуждением полагать, что гигантский процесс концентрации капитала не сопровождался столь же грандиозной и величественной концентрацией быстро растущей сознательности и воли к борьбе за свое освобождение трудящихся масс.

Все громче и чаще звучали над планетой вещие голоса социальных пророков, подвергавшихся свирепым гонениям и преследованиям со стороны горсточки власть имущих хозяев Земли. Эти голоса настойчиво призывали трудовой народ теснее объединить свои силы для решительной борьбы за освобождение, за справедливое переустройство общественных и экономических отношений. Указывали как пути, в кратчайшее время ведущие к цели, так и враждебные силы, преграждавшие этот путь, которые для достижения окончательной победы следует навсегда смести с лица Земли.

Особенно резко обострялись отношения между трудом и капиталом в периоды затяжных экономических кризисов, с регулярностью морских приливов и отливов потрясавших мир капитала. Доведенные безжалостной эксплуатацией, нищетой и страданиями до отчаяния отдельные народы предпринимали героические попытки вырваться из-под нестерпимого гнета. Временами случалось, что пожары колоссальных народных восстаний охватывали целые континенты и угрожали превратиться во всемирный, способный испепелить самые устои давным-давно пережившего себя, вконецодряхлевшего строя.

Однако, умудренные вековым опытом, вожаки старого мира не помышляли без отчаянного сопротивления сдавать свои позиции. Не считаясь и не брезгуя ничем, они загодя прилагали все усилия к тому, чтобы про запас всегда имелись в готовности надежные "громоотводы", способные в критический момент разряжать грозный гнев поработанных масс и отвлекать их от

беспощадной борьбы. Бесчисленное множество продажных агентов держалось постоянно начеку, старательно и неустанно внося дезорганизацию и взаимные подозрения в ряды недругов своих хозяев. Искусно используя умышленно культивируемую отсталость и невежество широких масс трудящихся, соглашатели разных мастей и оттенков применяли множество хитроумнейших уловок с целью помешать сплочению всех сил эксплуатируемых для последнего и решающего боя.

И желанные результаты были налицо. Руководствуясь испытанным тысячелетиями правилом "разделяй и властвуй", последовательно соблюдаемым генштабистами лагеря капитала, последнему удавалось с неизменным успехом топить революционные пожары в океанах крови восставших. Вконец обессилев после таких чудовищных кровопусканий, отчаявшиеся массы без особого сопротивления поддавались дурману "умиротворения" и позволяли еще более основательно себя закабалить.

И вот благодаря такому ходу событий настала минута, когда весь мир почти в идеально-равных частях оказался разделенным между двумя соперничающими лагерями, возглавляемыми самими матерыми представителями плутократических династий. Между ними, как только третий соперник был повержен и наследие его было разделено победителями, сразу же завязалась многогранная экономическая дуэль по всей линии соприкосновения противостоящих интересов. Нащупывая слабые стороны противной стороны, каждый стремился всеми средствами ослабить вражеский лагерь и за его счет усилить собственные позиции. Правительства колеблющихся стран переманивались посулами и подачками либо принуждались безотказно действующими насильственными мерами недвусмысленно высказаться о своей безоговорочной поддержке. Дипломатическая, экономическая и психологическая "холодная война", развернувшаяся на зловещем фоне огромного роста постоянных армий и чудовищной гонки вооружений, требовавших фантастических средств, затянулась на долгий ряд лет, вконец разоряя целые страны и причиняя неисчислимы бедствия и лишения широчайшим народным массам.

Уже издавна весь земной шар в огромной степени был объединен и пронизан бесчисленными нитями разнообразнейших взаимных интересов, прочно связавших в единое целое самые

отдаленные его уголки. С каждым годом связи эти все более крепили и разветвлялись, несмотря на периодически возникавшие соседские споры и кровавые потасовки, которые еще больше укрепляли связь и взаимопонимание народов, при всей парадоксальности такого утверждения. Поэтому с тем большей остротой и недоумением ощущался каждым распад этого неделимого целого на две резко обособленные половины, с разрывом столь привычных взаимосвязей, органически вошедших в плоть и сознание человечества, заметавшегося в болезненных конвульсиях, припоминающих судорожно бьющееся надвое разрубленное тело пресмыкающегося.

Будто тяжеленные грозовые тучи низко нависли над планетой, все мучительнее и нестерпимее становилось под гнетом их всему живому и страстно хотелось всем - будь что будет! - чтобы поскорее прекратилась эта нестерпимая пытка и поскорее грянул неизбежный гром и разразилась освежающая гроза.

Сотни миллионов свидетелей и одновременно подневольных соучастников все шире развертывающегося единоборства ясно отдавали себе отчет в зловещей пагубности происходящих событий, причем не только для судеб современников, но и для грядущих поколений. Однако, распыленные, они были бессильны что-либо противопоставить роковому ходу событий. Взаимное остервенение зашло слишком далеко, ставка представлялась непреодолимо соблазнительной, да и вообще весь процесс борьбы превратился в нечто до того неумолимо-стихийное, что уже давно ускользнул из-под контроля его непосредственных зачинщиков.

В конце-концов, как с самого начала можно было предвидеть, все возрастающее напряжение благодаря мелкой случайности вылилось в колоссальное вооруженное столкновение, масштабы которого сразу же приняли планетарный размах. "Последняя война", как дружно назвала ее пропаганда борющихся сторон, охватила своим губительным пламенем буквально весь земной шар. В каждом наиболее удаленном его закоулке, ослепленные, вконец одураченные и озверевшие полчища землян всеми доступными средствами вели борьбу не на жизнь, а на смерть. Повседневным явлением сразу же сделалось безумное соревнование в применении самых отвратительных средств массового уничтожения себе подобных и их имущества. Тяжелыми солдатскими сапогами с легким сердцем топтались самые

торжественные международные обязательства, наивно пытавшиеся в прошлом в какой-то степени гуманизировать массовое человекоистребление. Всем было ясно, что на сей раз стесняться и притворяться было бессмысленно: не стало нейтральных свидетелей и наблюдателей, с мнением которых еще в недалеком прошлом приходилось считаться самым бесшабашным головорезам. Теперь же во всем мире было только две категории людей - свои и чужие, подлежащие покорению либо истреблению. В продолжение длинного ряда лет угар борьбы искусно поддерживался обильными потоками золота, которые превращались на полях сражений и в глубоком тылу в реки липкой человеческой крови и горы зловонных трупов, отравлявших воздух и распространявших заразу. С золотом на этот раз вовсе перестали считаться остервеневшие режиссеры чудовищной мировой трагедии, без колебаний поставившие на карту свое настоящее и будущее.

Долгожданное спасительное начало конца было ускорено внезапно хлынувшим на одну из сторон потоком совершенно непредвиденных стихийных катастроф. Этот удар до такой степени подействовал на вожака пострадавшего лагеря - старого, искушенного и осторожного дельца, что он внезапно скончался от удара, не выдержав обрушившихся несчастий. Лишенный опытности и выдержки покойного, его наследник, молодой, азартный игрок, возглавив полуразрушенное наследство, проявил полную неспособность совладать с бушевавшим вокруг умопомрачительным хаосом. Уже в самом непродолжительном времени он оказался в таком безвыходном тупике, что вынужден был прекратить ставшее полностью бессмысленным сопротивление и капитулировать перед старым, прожженным противником.

Таким образом было достигнуто фактическое объединение всего мира, и впервые за все время существования рода человеческого власть над ним сосредоточена в одних руках. Однако непосредственному виновнику одержанной победы так и не удалось воспользоваться ее плодами: длительное сверхъестественное перенапряжение всех телесных и духовных сил не могло пройти даром и до такой степени подорвало и истощило жизненные силы, что в самом непродолжительном времени триумфатор впал в состояние полнейшей протрации и осознал, что не в состоянии руководить восстановлением чудовищных

опустошений, причиненных только что стихнувшей бойней. Достигнув наконец того, к чему так страстно стремился всю жизнь, по жестокой иронии судьбы он был вынужден полностью отрешиться от всяких дел, передав власть над объединенной планетой в руки своего единственного сына, отныне вошедшего в историю под чванливым прозвищем "Властелин Мира".

К моменту развязки величайшей мировой трагедии он был в полном расцвете своих сил. Во многих отношениях его можно было считать типичным представителем правящей верхушки своего класса: холодно-самоуверенный, предельно напористый и столь же бессердечный делец, наряду с завидным здоровьем, он был одарен вполне банальной, ничем не выделяющейся внешностью. Его воспитанием и образованием руководила плеяда наиболее выдающихся светил науки того времени. В усвоении изучаемого он проявил недюжинные способности, благодаря чему к годам совершеннолетия стал одним из образованнейших людей. Сверх того, он приобрел основательные и всесторонние практические познания, возглавляя совместно с отцом подготовку и блистательное завершение самого грандиозного столкновения, когда-либо потрясавшего вековые устои мира.

Специально разработанная программа воспитания в какой-то степени считалась с возможностью того, что именно на его долю выпадет завидный жребий стать первым самодержавным повелителем объединенного человечества. Эта гипотетическая возможность становилась все более реальной по мере неотвратимо надвигавшихся роковых событий. И все же, будучи в значительной степени психологически подготовленным к тому, что произошло, он сразу не мог преодолеть ощущения внезапной оторопи и даже чего-то граничащего с ужасом, когда мало-мальски осмыслил всю фантастическую исключительность выпавшего на его долю положения. Ему чудилось, будто внезапно, одним могучим рывком какая-то неведомая сила взметнула его на высочайшую вершину остроконечного пика, венчавшего исполинскую пирамиду, составленную из всех живущих в данное время людей. На этой головокружительной выси царит жуткая пустота, холод и безмолвие. Для двоих нет места на леденящей душу заоблачной высоте, откуда во все стороны открывается такой ослепительный простор, столь обольстительно безбрежные дали! На

расстилающихся у подножья необозримых просторах копошатся погруженные в тяжелый, беспросветный труд, до одурения увлеченные своими мелочными заботами, волнениями и радостями бесчисленное множество крошечных людишек. Все они там, внизу, на всех ступенях общественной пирамиды, так архитектурно закономерно завершаемой им, Властелином Мира, самозабвенно увлечены какими-то своими ничтожными интересами, попеременно вызывающими у них то жалкое наслаждение, то забавные огорчения.

Из всех бесчисленных миллиардов существовавших на планете людей он первым оказался на этой поднебесной выси, которая пьянила, наполняла все его существо ощущением неслыханной полноты бытия, но в то же время страшила слабую душу человеческую полной неизвестностью того неиспытанного никем из людей, что она в себе таила. Ведь только его одного нисколько не связывают препоны как правового, так и морального порядка. Разом рухнули и потеряли свою силу все бессмысленные хитроумные условности, тысячелетиями придумываемые и совершенствуемые сонмами религиозных вероучителей, философов и законодателей всех эпох и народов, освященные временем и обычаем, а потому почитаемые несокрушимыми, прочными и священными. Бессмысленной шелухой лежали теперь у его ног вековечные верования и суеверия, предназначенные для поддержания спасительного страха, на котором зиждился установленный порядок, столь необходимый для сколько-нибудь сносного существования сварливых обитателей планеты Земли. Все это нисколько не обязывало его-единственного подлинно свободного из всех человеческих существ. Каждое его желание, каждое слово и даже мимолетная прихоть отныне превращаются в обязательный для всех закон - и горе тому, кто вздумает его осушаться!

Мало-помалу, по мере восстановления душевного равновесия, им все чаще стало овладевать гордое ощущение своего несоизмеримого превосходства не только над всеми остальными людьми, но даже самыми близкими ему по крови. И потому ощущалось до боли обидным и несправедливым, что и его плоть вынуждена унижительно подчиняться одинаковым законам природы, обязательным для самого заурядного человека, что и его организм решительно ни в чем не является исключением,

пошлейшим образом ощущая потребность в питании, сне, отдыхе, крове, одежде.

Впрочем, следует оговориться: столь чудовищное самомнение пришло к нему отнюдь не сразу. Авторитет отца до самой его смерти продолжал оставаться для Властелина Мира непререкаемым, и по непреодолимой привычке он продолжал обращаться к нему за советом и поддержкой во всех затруднительных случаях. Однако такой период относительного ненормального дуализма длился не особенно долго и оборвался со смертью отца, последовавшей после недолгой тяжелой болезни.

Похоронив отца, Властелин Мира, с единственной целью убедиться на деле в своем всемогуществе, проделал на чувствующем и страдающем организме человечества ряд своеобразных вивисекций, правда, первоначально в относительно скромных масштабах. Постепенно они набирали размах, делались все более смелыми, причем неизменный блестящий успех, сопровождающий их осуществление, со всей очевидностью убеждал его мятушуюся душу в том, какая всемогущая сила отныне сосредоточена в его руках. Нелепая нарочитость многих затей не могла не броситься в глаза даже тем, на кого было возложено их осуществление. Тем не менее все они неукоснительно проводились до конца, без какого бы то ни было колебания либо поблажки в отношении невинных жертв его причуд. В то же время услужливо-подобострастная пропаганда ухитрялась преподносить и истолковывать каждый новый опыт таким образом, что он мог всерьез сходить за вершину гуманности и заботы о благе тех, чьи бока немилосердно трещали в результате его осуществления. Вслед за серией относительно незначительных опытов, так сказать своеобразных "проб пера", последовал ряд более масштабных. Из них на первое место следовало бы поставить очищение трех "белых" континентов от цветного населения, насильственно изгнанного с родных насиженных мест в Африку и Азию, осуществленное по наущению изуверов-расистов.

Затем из бесплодных, обиженных природой-мачехой стран, от нищих народов при помощи жесточайшего насилия были отняты последние запасы продовольствия и с явно вызывающей целью направлены в отдаленные страны и без того утопающие в изобилии, тогда как их собственные неиспользованные запасы подвергались периодическому уничтожению для освобождения

переполненных складских помещений. Спровоцированные столь наглым образом и обреченные на голод, обезумевшие массы подняли безнадежное восстание, тотчас подавленное самыми свирепыми средствами. А после полного умиротворения оставшихся в живых, в эти страны, напоминающие огромные кладбища, были доставлены транспорты всего необходимого и приняты иные чрезвычайные меры для резкого поднятия уровня жизни населения.

По свежим следам "последней войны" всесветного охвата, последствия которой, сверх всякого ожидания, быстро изживались благодаря исступленному, самоотверженному труду объединенного человечества, кое-где между добрососедскими народами, связанными вековечными узами кровного родства и дружбы, вспыхивали нелепейшие войны местного значения, которые обрывались столь же внезапно, как и начинались, как только всемогущий дирижер в достаточной степени убеждался в беспрекословном повиновении исполнительных марионеток.

Заслуживает внимания то, что Властелину Мира не пришлось даже размышлять над вопросами дальнейшего целесообразного применения той колоссальной созидательной мощи, которая оказалась сконцентрированной в его руках. Сами собой вытянулись в цепочку давно уже назревшие задачи, рассчитывать на успешное разрешение которых до недавнего времени не приходилось даже думать. Теперь же все вдруг само собой пришло в суматошное движение на старушке-Земле. Страхнув с себя психоз воинствующего безумия и освободившись от страха грозящей неизбежной гибели в случае продолжения мирового конфликта, человеческий коллектив с радостным увлечением набросился на долгожданный восстановительный труд. Жизнь снова забурлила и забила ключом. Общее впечатление было такое, будто в новом доме по-новому начали устраиваться новые хозяева. Головокружительные проекты, еще вчера казавшиеся несбыточными мечтаниями безответственных фантазеров, осуществление каждого из которых так недавно знаменовало бы целую достопамятную эпоху в жизни народов, теперь, при разумном использовании всех объединенных ресурсов планеты, опираясь на феерическую лавину смелых научных открытий, выполнялись в сроки, граничащие с чудесами. Доселе бывший лишь номинальным "царем природы", человек в самом деле

становился доподлинным хозяином Земли, которую непреклонная воля и самоотверженный героический труд миллиардов мозгов и рук преобразовали до неузнаваемости.

По тщательно разработанным планам изменялись направления океанских течений, создавались новые моря и по мере целесообразности сокращался объем ранее существовавших. Коренным образом менялся облик бесплодных знойных пустынь и безжизненных полярных просторов. Благодаря обузданию и переключению на пользу человечества разрушительных стихийных сил природы оказалось возможным в значительной степени осуществить регулирование климата в планетарном масштабе. А это в свою очередь повлекло за собой бурное развитие производительных сил Земли и предоставило возможность освоить доселе необитаемые огромные территории, куда принудительно были переселены миллионы людей из перенаселенных стран.

Совершенно бесстрашный в отношении невероятных страданий и бессмысленной гибели множества людей, щедро устилавших своими костями путь, ведущий к сверхскоростному осуществлению задач, намеченных творческой фантазией длинного ряда поколений, Властелин Мира, твердо уверовавший, что все происходящие гигантские перемены обязаны исключительно его гениальному руководству, все чаще и охотнее оглядывался на содеянное. При одном лишь беглом обзоре капитальнейших достижений последнего времени его переполняло чувство спесивого самодовольствия.

Со снисходительным пренебрежением он изредка вспоминал так называемых "великих благодетелей человечества", благодарную память о которых признательные потомки бережно сохранили сквозь века и тысячелетия: какими жалкими ничтожествами все они являются в сравнении с ним, единственным и ни с кем несопоставимым! С ироничной усмешкой следил он порою за проносившейся перед его умственным взором вереницей бесчисленных честолюбцев истории, всех этих "бичей божьих", нещадно стегавших человечество во имя осуществления своих бредовых замыслов. Со своими первобытными возможностями они, с наивной дерзостью детей или дикарей, осмеливались мечтать о достижении той вершины могущества и власти, первым обладателем которой довелось стать ему. До чего же нелепыми и жалкими представлялись ему их извечные, неизменно законченные

позорными провалами, но снова и снова идиотски повторяемые отчаянные попытки спаять воедино непокорное человечество железом и кровью. Впрочем, не лучшая судьба постигала также мягкосердечных “друзей народа”, втайне стремящихся к тому же при содействии бесплотной возвышенной идеи, способной зажечь сердца и умы и увлечь за собой лишь ничтожное меньшинство прекраснодушных идеалистов, безнадежно затерянных в массе подавляющего большинства прозаически-низменных сынов Земли.

О! Не столь наивны были его бесчисленные прапредки по духу, ведомые вестим инстинктом и начавшие на заре истории, оцупью, многотрудное дело собирания мировой державы, заверенное его покойным отцом. Рассеянные на необозримых просторах, едва преодолимых при их примитивных средствах передвижения, эти труженики-провидцы стихийно, поколение за поколением включались в дело плетения отдельных ячеек необозримой золотой сети, которой теперь туго захлестнут и надежно опутан весь мир, а ключи от замка находятся в его исключительном пользовании.

Такого рода редкостные передышки от разрешения насущных практических вопросов еще больше подхлестывали и заряжали его творческий пыл неукротимой энергией, побуждали к преодолению всех огромных трудностей, глыбами возникавших на его пути. Причем, в сущности, невозможно было установить, то ли он - в чем он сам, впрочем, был полностью уверен - направляет ход событий, то ли они, наоборот, влекут его за собой. В суматошной спешке и суете семимильными шагами проносились месяцы и годы, также незаметно промелькнул длинный ряд десятилетий. Ценою напряженных усилий объединенного человечества, руководимого одной волей и направляемого к одной цели, все самые фундаментальные преобразования планеты, еще так недавно робко намечаемые гениальными мечтателями для осуществления в неопределенно отдаленном будущем, уже подходили к завершению. И тут, к своему неопишуемому изумлению, Властелин Мира натолкнулся на ошеломляющее открытие, на долгий срок основательно нарушившее его душевное равновесие: судя по всему, подлинно монументальные задачи по переустройству мира, могущие быть осуществленными при современном состоянии знаний и технических возможностей, полностью исчерпаны. Что касается ближайшего будущего, то предстоит непривлекательная

альтернатива: либо доделывать и шлифовать то, что в бредовой спешке было набросано вчерне, либо заняться смехотворно ничтожными, в его представлении, второстепенными работенками, снисходительно оставленными им для будущих поколений, ибо *ЕГО* жизнь должна быть посвящена исключительно неповторимым, крупномасштабным творениям, носящим на себе до окончания мира печать исключительной и ни на что иное в летописях непохожей эпохи - “его эпохи”.

С несвойственной ему тоскливой растерянностью, напрягая всю силу воображения, старался он отыскать третий, более приемлемый исход. Однако когда все его старания оказались тщетными, его деятельная натура все же предпочла покою и бездействию оставленные про запас “малые дела”. На это ушло немного времени, после чего - снова пустота. Казалось, ему подобно ветхозаветному Иегове после шестидневного напряженного творчества, грозила опасность погрузиться в нескончаемый седьмой день вековечного покоя и отдохновения, смерти подобного.

Поэтому легко себе представить охватившее его негодование и гнев, когда при более пристальном рассмотрении оказалось, что неугомное человечество, вопреки глубочайшему убеждению Властелина Мира в том, что переустройство планеты было стабилизировано на века, позволяло себе оспаривать это и за его плечами, на свой страх и риск, продолжало планомерно, без свойственного ему гама и суетливости, открывать и ставить перед собой такие огромного значения новые цели, о которых он до того даже не помышлял. Мало того: не подлежало сомнению, что их осуществление неизбежно повлечет за собой раскрытие дальнейших, еще более ослепительных перспектив.

И тут его больно обожгла нестерпимая мысль: да ведь этот неустанный кропотливый труд неугомного человеческого муравейника уже создает вполне реальную угрозу в самом непродолжительном будущем покрыть свежими наслоениями, а затем постепенно ввергнуть в пучину забвения все то, что для него было дороже собственного существования и что, в его близорукой самоослепленности, должно сохраняться без малейших изменений в качестве священного памятника до конца дней.

Им овладело жгучее чувство ревности, столь естественной у каждого, обнаружившего смертельную опасность, грозящую его в муках выношенному творению. Гнев, обида, душевная боль, недоумение, испуг, разочарование - все перепуталось и смешалось в один сумбурный клубок. Под первым впечатлением обуявшей его дикой сумятицы мыслей, Властелин Мира наспех набросал беспорядочный план ближайших мероприятий, целью которых было - сперва резко затормозить поступательное движение, а затем полностью мумифицировать все в таком состоянии, какое было достигнуто в "его эпоху".

Однако на сей раз все его усилия уподобились детской плотине, сложенной из грязи, при помощи которой недалекому простаку вздумалось бы задержать неудержимо рвущийся вперед победный вешний поток. И как ни метались по лицу Земли полчища по-собачьи преданных охранников, пытаясь основательнее затоптать особенно заметные проблески новшеств, ростки нового тотчас издевательски пробивались там, где только что, казалось, все было основательнейшим образом заглушено и раз навсегда подавлено.

Лишь потерпев целый ряд сплошных позорных неудач, потрясенный Властелин Мира был вынужден отказаться от продолжения дальнейшей бессмысленной борьбы и мужественно признаться самому себе, что на этот раз его затея потерпела полнейший крах.

Болезненно остро переживая непривычную горечь поражения, он впервые в жизни почувствовал подлинную заинтересованность хаотически пестрым людским коллективом, непоколебимо выдержавшим удары той мощи, которая укрощала стихии, и не только устоявшим, но и вышедшим победителем. Его неудержимо потянуло спуститься со своих высот и впервые вплотную присмотреться к подлинной жизни, ознакомиться с чаяниями и стремлениями тех, кому, по его непоколебимому убеждению, самим роком была предназначена единственная роль - безотказно действующего орудия, слепо осуществляющего его предначертания. Теперь же со всей очевидностью обнаружилось, что, безропотно выполняя его прихоти, человечество все же руководствовалось каким то безошибочным чутьем, позволяющим различать в деятельности Властелина Мира то положительное, что,

несмотря на привходящие отрицательные явления и неизбежные прискорбные эксцессы, заслуживало если не полного одобрения, так по крайней мере относительной поддержки. Равно как то, с чем не было никакой возможности идти на компромисс, ибо это шло вразрез с глубочайшими чаяниями рода человеческого.

Поддавшись непростительному упадку духа, он временами склонялся даже к чудовищно оскорбительному предположению, что среди человечества могут встретиться отдельные единицы, не уступающие ему в силе воли и могуществе мысли, и что только наличие подобных избранников среди подавляющего большинства дало силу людским массам противостоять ему.

Чтобы проверить, так ли это и как-то успокоить себя, он наспех перезнакомился со множеством людей самых разнообразных общественных и имущественных слоев, с напряженной настороженностью стараясь обнаружить среди них своих потенциальных соперников. С приятным разочарованием и внутренним неподдельным вздохом облегчения он очень скоро пришел к втайне желаемому выводу, что такого рода предположения были совершенно необоснованны.

В “его эпоху” микробом стяжания был заражен весь мир. Домашний быт, школьное воспитание, трудовая деятельность, общественные отношения - весь уклад жизни настоятельно вбивал в сознание каждого убеждение в том, что основным смыслом и целью жизни является обладание как можно большим количеством денег, дабы располагать возможностью приобретения все новых и новых, в большинстве случаев совершенно бесполезных предметов, и что вне этого жизнь - не жизнь. Казалось, повсюду носились миазмы страшной заразы настигающей каждого, куда бы ни пытался он укрыться, чтобы существовать вне сферы господства денежного мешка, грозя истребить ослушника за бунт против общего порядка. Деньги, для приобретения которых считались допустимыми все средства, оподляли обладателей их и позволяли крохотной горстке супербогачей удерживать в строжайшей дисциплине и повиновении массы неимущих.

От мала до велика все исповедовали дьявольский культ золотого тельца, очеловеченным воплощением которого и одновременно верховным первосвященником был он, Властелин Мира. И стоящий над могилой дряхлый старец, и преисполненный

надежд и дерзаний цветущий юноша, святой и пастух, мудрец и невежда - всех их в равной степени объединяло и нивелировало искреннее обожествление власти золота, все они с равным трепетом душевным преклонялись перед живым воплощением этой жестокосердной, бесстрастной власти. Все без исключения взирали на Властелина Мира, как на некое неземное существо высшего порядка: ведь от его произвола полностью зависело осыпаться их благодеяниями либо ввергнуть в пучину бедствий.

Немудрено, что уже очень скоро возня с идиотскими обожателями вконец опротивела ему и его снова потянуло удалиться в свое гордое уединение. Исход последнего опыта влил в его душу новую волну оптимизма и самоуверенности; наряду с этим с еще большей остротой ощутилась им настоятельная необходимость чем-то стоящим заполнить становящуюся невыносимой пустоту бытия.

Лишь теперь, из непосредственного личного общения со множеством дюжинных людей, Властелин Мира полностью осознал всю их неполноценность как в физическом, так и в духовном отношениях.

Долгий ряд поколений подвергался мощному воздействию всеобъемлющей стандартизации, грубо стирающей индивидуальность черты и не без успеха стремящейся к тому, чтобы превратить человеческие массы в подобие одушевленных роботов, лишенных собственных мыслей и стремлений, что так отвечало пожеланиям правящей миром кучки избранников. Мощный аппарат пропаганды, используя в качестве духовных наркотиков религиозные верования, модные псевдонаучные течения, извращенное подобие искусства, прессу, кино, радио - притуплял и затемнял сознание масс, растлевал совесть, расслаблял характер, ум и волю, обрекая на полную духовную нищету, неспособность к творческим дерзаниям и даже полноценному самостоятельному мышлению.

Общеобразовательные программы учебных заведений сознательно были составлены таким образом, что систематически приучали слепо верить в любую нелепость, которая могла быть полезной правящей элите. Нормально развитая память атрофировалась и становилась чуть ли не курьезным анахронизмом. Поверхностное верхоглядство и мелкое всезнайство

полностью заняли место подлинного знания. Оригинально мыслящих личностей с широким умственным горизонтом оставалась все более тающая крохотная горстка, представляющая из себя ложку меда, утопающую в необозримом море дегтя. Причем эти люди не только не пользовались должным уважением со стороны масс, но, наоборот, вызывали нескрываемое пренебрежение, были несозвучны эпохе. Широко рекламируемые в качестве великих мыслителей эпохи беззастенчивые карьеристы всевозможных мастей в действительности были более или менее искусными компиляторами, а то и откровенными плагиаторами, преподносившими невзыскательной аудитории под видом неслыханно нового ловко перетасованные комбинации затрепанных идей, с незапамятных времен циркулировавших в человеческом обществе.

Катастрофическое вырождение, на путь которого уже давно вступило человечество, с каждым новым поколением ускоряло бег, ведущий к катастрофе. В чудовищной степени отклоняющиеся от естественных для человеческого организма условий труда, быта, отдыха, до крайних пределов доведенные темпы борьбы за выживание, за которыми никак не мог угнаться консервативный человеческий организм, до такой степени отрицательно влияли на физическое развитие рода человеческого, что лишь немногочисленные отдельные единицы еще можно было считать нормальными во всех отношениях. Казалось, сплетение разнообразнейших, зачастую совершенно противоположных факторов вошло в какой-то фантазмагорический заговор, направленный на то, чтобы сбросить человека, достигшего крайних пределов своего могущества и власти над силами природы, в пучину вырождения, причем все его достижения превращались не во благо, а в бедствие для него самого.

Кровопролитные войны последовательно скашивали отборный цвет молодежи длинного ряда поколений. Наряду с этим блистательные успехи медицинских наук давали возможность сохранять жизнь самым слабым индивидуумам, которые при нормальном естественном отборе не смогли бы выжить, тогда как теперь их неполноценное потомство способствовало ускорению процесса общей деградации. Непомерное нервное напряжение порождало все более распространяющиеся и усложняющиеся

психические заболевания, ставившие в тупик психиатрию. Если старые, традиционные болезни на памяти немногих поколений отходили в область преданий, то новыми причинами порождались еще более загадочные и грозные по своим последствиям заболевания. В общем балансе равно пагубной оказалась как полнейшая праздность, развращенность и изнеженность меньшинства, так и чрезмерный, истощающий жизненные силы труд подавляющего большинства. Получающий все большее распространение спорт с его благотворным воздействием и общее улучшение санитарных условий лишь в крайне недостаточной степени затормаживали триумфальное шествие грозной дегенерации рода человеческого.

Потрясавшие воображение ослепительные открытия и изобретения во всех отраслях науки и техники следовали непрерывным каскадом. Своим происхождением они были обязаны либо простой случайности, либо кропотливому труду бесчисленного множества узких специалистов, из которых каждый разрабатывал лишь одну ничтожную сторону многогранной проблемы, атакованной одновременно с разных сторон. Благодаря такому индустриальному методу достижение того, на что некогда гениальным изобретателям-одиночкам приходилось затрачивать целую жизнь, происходило в предельно сжатые сроки. Однако как бы сами по себе значительными ни были успехи творческой деятельности, они лишь в незначительной степени способствовали подъему общего благосостояния широких масс вследствие пороков пережившего себя общественно-экономического строя, давным-давно безнадежно отставшего от требований жизни и тем не менее упорно не проявлявшего тенденции к изменению.

Размышления над произведенными наблюдениями и возникавшими выводами натолкнули Властелина Мира на мысль, что с такой страстью разыскиваемая им величественная задача, которая достойно увенчает все дело его жизни, будет состоять в максимальном оздоровлении безнадежно чахнувшего человечества, которое нуждается в возвращении к первобытной силе и свежести.

Привыкший во всем к предельной прямолинейности, он и на этот раз остался верен себе. Ознакомившись с мнениями выдающихся специалистов по данному вопросу и выслушав их диаметрально противоположные соображения, он решил при

содействии законодательных актов, подкрепленных административными мерами воздействия, в качестве профилактического шага ввести немедленную изоляцию, с последующим охлаждением, особенно вредных с точки зрения генетики индивидуумов, начав с уродов и слабоумных. Что же касается основы будущего возрожденного человечества, то по решению спецкомиссий надлежало подбирать отвечающие необходимым условиям особи, обязанные сочетаться брачными узами и производить потомство независимо от личных симпатий или антипатий. Такова была *ЕГО* воля!

Все еще не изжив до конца вдохновляющих иллюзий о той относительной поддержке, которую известная часть человечества оказывала преобразовательным мероприятиям начального периода его деятельности, Властелин Мира был уверен встретить полное понимание и одобрение самых широких народных масс в этом первостепенной важности деле. Однако, вопреки его ожиданиям, его новая бредовая затея вызвала такой стихийный ураган всеобщего негодования, распространившийся молниеносно и охвативший всех без исключения его верноподданных, что даже наиболее надежные слуги, до сих пор беспрекословно выполнявшие самые причудливые прихоти обожаемого кумира, впервые оказали открытое сопротивление, ибо эта фантастическая затея затрагивала самые жизненные интересы каждого из них.

И несмотря на бессильные угрозы, аккомпанируемые разнузданной свистопляской оголтелой пропаганды, и даже некоторые унижительные компромиссы, на которые он решился пойти, - планы его постиг полнейший провал. А чтобы хотя отчасти выпутаться из неприглядного положения и сохранить авторитет непогрешимой премудрости, ему пришлось перейти на путь столь ненавистного ему реформаторства. Хотя самым искренним желанием после случившегося было полнейшее отрешение от каких бы то ни было мыслей об устройстве будущего человечества.

Впервые в жизни окончательно пав духом, Властелин Мира почувствовал вполне реальную тяжесть бесконечно долгой вереницы прожитых лет, удельный вес которых равнялся сотням, а может быть тысячам лет обычных человеческих существований. О, какое же невероятное переутомление в душевную опустошенность

почувствовал он! Каким жалким, плюгавеньким старикашкой представал перед его взором божественный повелитель мира в отражении зеркал, которых он инстинктивно старался избегать. Увы! все усилия медицины, пытавшейся омолодить его дряхлеющую плоть, оставались бесполезными.

И вдруг дико-нелепая мысль нестерпимо обожгла его сознание: да неужели он, подобно самому дюжинному смертному приближается к своему неумолимо-роковому концу? Вначале мельком возникшая мысль эта постепенно, преодолевая инстинктивное внутреннее сопротивление, укоренялась и наконец стала безраздельно преобладать над остальными. Он, по размаху замыслов и масштабам выполнения более похожий на стихию, чем на обычное человеческое существо, по-видимому, все же обречен прекратить свое существование самым шаблонным образом, от сотворения мира свойственным всему сущему. начиная с самого примитивного. Холодный рассудок с каким-то злорадным удовлетворением настойчиво убеждал его в этом, будто медленно расковыривал мучительно кровоточащую рану. В то же время из глубины подсознания с ним вел упорный спор иной голос, который судорожно пытался не соглашаться со всеми доводами разума, несмотря на всю их логическую неоспоримость, и без устали твердил жалким, задыхающимся шепотом: "Да не может этого быть!"

Усвоив все, что в его время было известно об исторической и доисторической жизни человечества, о развитии жизни на планете, об эволюции солнечной системы, Властелин Мира подсознательно до такой степени сросся с представлением о жизни вообще как о чем-то бессмертном, безначальном и бесконечном, что зачастую ему казалось, будто и его личное существование должно измеряться не какими-то жалкими десятилетиями, ограниченными пучинами небытия, а совершенно иными - геологическими, если не астрономическими масштабами. И потому особенно нелепым диссонансом врывалась нахально-злорадная мысль, неустанно поддразнивающая его в последнее время, точно шаловливо приплясывающий бесенок: "Вот жил, жил чуть ли не целую вечность, совершил кучу самых невероятных деяний - и вдруг все это самым нелепейшим образом грозит оборваться, полететь в

тартарары” - и. что особенно усугубляло горечь и нестерпимую остроту обиды, это может произойти в канун самого потрясающего события в жизни человечества, на пороге которого оно находилось в последнюю пору и явственное дыхание которого веяло над миром.

Тысячелетние усилия неукротимого человеческого гения, сияющего победой своего самого страшного недруга - смерть, казалось, вот-вот должны были увенчаться долгожданным триумфом - раскрытием величайшей из тайн природы, способным одарить человека личным бессмертием.

Несчастный Властелин Мира внутренне цепенел и покрывался омерзительным холодным потом, когда в бесконечные бессонные ночи с особенной остротой ощущал, до какой степени с каждым днем возрастала и давала себя знать унижительная старческая слабость. Он не мог полностью отрешиться от дум о будущем, однако это будущее рисовалось в столь зловещих очертаниях, что он непроизвольно избегал таких помыслов, предпочитая воскрешать в памяти радужные картины давно минувшего.

С каким жгучим ощущением неза заслуженной обиды, с какой трудно подавляемой завистью думал он о самых незаметных обитателях планеты, неизмеримым подавляющим преимуществом которых перед ним, мнимым владыкой Земли, была их молодость, бодрость, расстилающееся перед ними будущее. Они же, не отдавая себе отчет в своем уничтожающем превосходстве над ним, жалким старичком, с идиотским обожанием готовы на лету перехватывать каждый его взгляд, каждое мановение и с рабской услужливостью предупреждать все его невысказанные пожелания, готовы рисковать своим благополучием, здоровьем и самой жизнью для достижения его благоволения. От них навеки будет скрыта его позорная тайна, с каким восторгом обменял бы он свое положение, на которое с такой безумной завистью взирал весь мир, на положение самого скромного и незаметного юнца. Ведь то, что, возможно, уже очень скоро станет достоянием живущих поколений, будет не тем жалким пере- устройством на чуточку иной лад крохотной пылинки-Земли. в которую его увлекает необоримая сила, а чем-то поистине неслыханным и даже с трудом вообразимым вследствие новизны и величия не испытывавшему это смертному. Бездна ни на что не похожих новых чувств, мыслей,

понятий, ослепительно ярких переживаний, которыми будет одарен бессмертный, богоподобный человек недалекого будущего. Он сможет по своему произволу посещать отдаленные миры, жить какой-то фантастически прекрасной, сверхъестественной жизнью, а самое главное - будет полностью освобожден от непереносимого ужаса перед угрозой полного исчезновения навсегда. Мысли эти неустанно терзали его и днем, и ночью.

Незаметно дошло до того, что его все чаще стало охватывать скорбное негодование вперемешку с горькой обидой на нелепую исключительность выпавшей ему в удел судьбы, думалось, он лишился чего-то необычайно ценного, не принимая участия в банальных радостях и горестях нормального человеческого существования, - как раз то, что некогда, в заносчивую пору зрелости, вследствие непостижимойсамоослепленности казалось верхом доступного человеку счастья. Ведь, в сущности, у него никогда не было настоящей личной жизни - ее основательно подменил некий нелепый мираж, непрерывная погоня за чем-то неуловимым и ... ненужным, как оказалось в конце концов, Леденящим холодом, жуткой пустотой и безразличием веяло на него от всего окружающего. Ему мерещилось, будто с него глаз не сводит некое злобное чудовище, хищно притаившееся до времени, но рано ли, поздно ли оно все равно слопаёт его всего, без остатка. В такие мгновения у него возникало неодолимое стремление куда-то бежать, спрятаться, сделаться как можно крохотнее и незаметнее. И снова, и снова некий издевающийся внутренний голос с непонятным злорадством припоминал, что и его жизнь, жизнь Властелина Мира, вершащего судьбами миллиардов, подобно всякой иной - не что иное, как случайный след на сыпучем песке, и никакая сила в мире не в состоянии изменить это. Рассудок его помрачился, а бессмысленный клопочущий гнев, способный своим накалом испепелить вызвавшую его причину, переполнял все его существо.

Так не бывать же тому! Если судьба, вооруженная неумолимыми законами при роды, хочет таким образом поиздеваться над ним, оставив злорадных свидетелей его гибели, так он же в свою очередь постарается расстроить ее планы и напоследок разыграет из себя роль столь же злополучного Рока в отношении всего живого на планете, в его болезненном сознании

зародился и стал принимать некие очертания чудовищный замысел продиктованный беспредельным отчаянием: перед своим окончательным исчезновением он постарается истребить все живое на Земле.

С присущей помешанным осторожной хитростью Властелин Мира стал интересоваться новейшими научными открытиями, пригодными для осуществления его безумной идеи, однако ничего подходящего долго не находилось. Наконец, как бы в ответ на безмолвную страстную мольбу, мир был потрясен сенсационным сообщением: пользующийся всемирной славой маститый ученый на склоне своих дней сделал ошеломляющее открытие, представляющее потенциальную угрозу дальнейшему существованию человечества. Сам ученый был до такой степени подавлен случившимся, что наотрез отказался посвятить кого бы то ни было в подробности открытия. Он забросил все свои научные занятия и стал вести жизнь отрешившегося от мирской суеты затворника.

Чрезвычайно обрадованный и заинтригованный этим известием, Властелин Мира встретился с удрученным анахоретом и стал настойчиво добиваться, чтобы тот поделился с ним роковой тайной. Однако рехнувшийся маньяк упорно не поддавался ни на угрозы, ни на просьбы и посулы. И все же его сопротивление было сломлено длительной пыткой голодом, жаждой и лишения сна, и Властелин Мира оказался обладателем искомого секрета.

Суть фантастического псевдооткрытия заключалась в том, что необычайной силы смертоносный газ путем соответствующей обработки приобретал изумительное свойство - из ничтожного количества с необыкновенной быстротой разрастаться до волны немыслимых размеров. Волна эта, по глубокому убеждению выжившего из ума ученого, дойдя до кризисного состояния, под воздействием воздушных течений станет во всех направлениях прокатываться по Земному шару, неся гибель всему живому.

Вконец измотанный поисками всеистребляющего средства, Властелин Мира тем охотнее уверовал в достоверность вырванной от безумца формулы. С лихорадочной поспешностью начали возводить величественный, герметически закрывающийся дворец, в котором он предполагал найти для себя последнее прибежище.

Но тут самые близкие к нему люди окончательно убедились, что Властелин Мира полностью рехнулся. И вот его, бредящего истреблением всего живущего, поместили в им же самим предусмотрительно выстроенный величественный сумасшедший дом, все подступы к которому были тщательно изолированы, ибо экс-владыка приходил в неописуемую ярость при виде любого признака жизни. Естественно, ухаживать за ним приходилось исключительно во время сна. Его болезненное сознание упивалось мыслью, что он остался последним человеком на Земле.

Тем временем среди его потомков, незамедлительно разделивших оставленное наследство, быстро стали возникать раздоры, в относительно короткий срок настолько расшатавшие и ослабившие их власть и недавнее монолитное единство, что порабощенный мир труда, наконец оправившись от длительной летаргии, снова воспрял, обрел уверенность в своих силах и, наконец, осуществил в мировом масштабе вещее предсказание об экспроприации экспроприаторов.

После этого в книге судеб человеческих открылась новая глава, полностью непохожая на все предыдущие.

1928 год

Взято с сайта <http://kobrinia.ru>